

УДК 93

В. Сафроновас

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИТОВСКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ПЕРЕЛОМЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ

Рассматривается влияние перемен в историографическом восприятии литовскоязычных жителей Восточной Пруссии, произошедших в начале 1990-х гг., на исследования их идентичности. Выделяются основные подходы, которые были предложены по этому вопросу в антропологических, этнографических и исторических исследованиях немецкими и литовскими историками за последние два десятилетия.

Ключевые слова: идентичность, Восточная Пруссия, Прусская Литва, историография, немецко-литовские отношения.

На протяжении четырех столетий, начиная с XVI в., наиболее восточная территория Пруссии часто именовалась Литвой (реже Прусской Литвой). Употребление такого названия, как в официальных государственных документах Пруссии, так, позже, и в научных целях наименования этнографической территории, предопределялось главным образом долговременным количественным преобладанием вплоть до второй половины XIX в. литовскоязычного населения, заселившего эту территорию в XV—XVI вв. Исходя из подхода межкультурной коммуникации, можно сказать, что Прусская Литва (нем. *Preußisch-Litauen*), как и Мазурия, находившаяся в южной части Восточной Пруссии,

была приграничной территорией, на которой встречались сразу две преобладающие культуры. Специфику этих территорий определяли повседневные контакты и столкновения между немецкоязычным населением, с одной стороны, и литовскоязычным и польскоязычным — с другой.

Как на фоне таких контактов и столкновений формировалась идентичность (восприятие того, кто «мы», что «нам» характерно и что является «нашим») литовскоязычного населения Прусской Литвы — вопрос, активно обсуждающийся в литовской, немецкой, частично также и в польской историографии последних двух десятилетий. В данной статье мы попытаемся предоставить возможность, прежде всего, русскоязычному читателю ознакомиться с тенденциями историографических исследований данного вопроса. Характеристика историографии здесь будет представлена в двух плоскостях. Во-первых, будут кратко обсуждены две четко выделявшиеся стороны историографического восприятия литовскоязычных жителей Прусской Литвы, преобладавшие до начала 1990-х гг. Во-вторых, будет показана вариация подходов к восприятию идентичности литовскоязычного населения Прусской Литвы, появившаяся в исторических исследованиях последних двух десятилетий.

I

Тема идентичности жителей региона Прусской Литвы стала объектом историографии лишь в самом конце XX в. Однако перед тем как перейти к ее обзору, следует сделать несколько замечаний об основных тенденциях, проявлявшихся в историографии этого региона на протяжении XX столетия. Их учитывать важно потому, что новая историография конца XX в. по отношению к прежней позиционировалась не как ее продолжение, а как противоположность. Это объясняется главным образом тем, что до начала 1990-х гг. в историографии региона Прусской Литвы четко разделялись немецкая и литовская позиции. Основной ха-

рачеристикой в обоих случаях следует считать преобладание националистических установок, которые проявлялись в постоянном воспроизведении канонизированных стереотипов и мифов. Это воспроизведение было связано не только с интересом познания прошлого, но и с интересом политическим, суть которого состояла в том, чтобы предоставить логическое обоснование «исторических прав» той или иной нации.

Говоря о литовской историографии, необходимо отметить, что именно в советский период в историографии Литовской ССР была утверждена концепция, руководствуясь которой культурные различия, существовавшие между литовцами, до начала XX в. проживавшими на территории двух государств, не акцентировались [20, р. 76, 80—81]. «Литовский народ» воспринимался как единое целое, а «Малая Литва»¹ именно в советское время стала интерпретироваться как «колыбель» культуры всего литовского народа.

Прошлое данного региона в общелитовском историческом нарративе показывалось путем воспроизведения двух сюжетов, утвержденных в литовской историографии еще на стыке XIX и XX вв. Это сюжет о единстве всех балтийских племен и их общей борьбе против Тевтонского ордена в XIII в. и сюжет об обретении национального самосознания литовцами, жившими

¹ Термин «Малая Литва», вместо более привычного литовскоязычному населению Восточной Пруссии именованная «Прусская Литва», в литовском дискурсе стал активно употребляться в начале XX в., в особенности после присоединения Клайпедского края к Литве. Его распространению более всего способствовало желание показать, что населенные литовцами территории Восточной Пруссии имеют больше общего с Литвой, чем с Пруссией. После Второй мировой войны от термина «Прусская Литва» литовская историография отреклась вовсе, что однозначно следует расценивать как утверждение интеграционных импликаций [20, р. 80—81]. Несмотря на утверждение термина «Малая Литва», в современной научной историографии все заметнее проявляется тенденция возврата к термину «Прусская Литва» как более связанному с исторической традицией данного региона.

в Восточной Пруссии, и их дальнейшей борьбе против германизации [22, р. 90—91]. В межвоенный период эти сюжеты были дополнены еще одним, легитимировавшим присоединение Клайпедского края к Литве в 1923 г. и разъяснявшим политику Литвы в межвоенном Клайпедском крае как «правильную» и «естественную».

«Малая Литва» в литовской историографии еще с довоенного периода воспринималась как исключительно «наш» регион, в котором литовцы были автохтонами, а немцы — лишь пришельцами, колонизаторами и германизаторами, пытавшимися всячески уничтожить подлинную «литовскость» этого края. Такие установки были предложены в трудах конца XIX в., написанных вовсе не историками Мартинасом Янкусом и Ансом Бруожисом, а позднее утверждены тем же Ансом Бруожисом, Винцасом Вилейшисом, Ионасом Ванагайтисом и, в особенности, противоречивым историком Повиласом Пакарклизом. Укоренившиеся в трудах указанных авторов идеи поддерживались в историографии Литовской ССР такими авторами, как Римантас Ясас, Бронюс Дундулис, Альгирдас Матулявичюс, Петронеле Жостаутайте. Следуя этим установкам, примерным эталоном литовца «Малой Литвы» считался национальное самосознание «выдерживавший» литовец — носитель литовского языка, своей активной деятельностью поддерживающий литовскость этого региона.

Переходя к немецкой историографии XX столетия, касающейся истории Прусской Литвы, укажем на смену интереса познания этого региона: если на переломе XIX и XX вв. немецкая историография интересовалась им преимущественно как объектом этнографии, то после Первой мировой войны стало очевидным преобладание политических целей. Выводы, к которым в 1920-е гг. в своих диссертациях пришли Гертруда Найнрих-Мортензен и Иоганнес Гансс, были использованы с целью утверждения новых положений, гласивших следующее: литовцы в Прусской Литве являются колонистами, заселившими эту область лишь в XV—XVI вв., таким образом, немецкое насе-

ление появилось на этой земле еще перед тем, как ее заселили литовцы. В исторической литературе межвоенного периода Тевтонский орден, следуя его представлению в историографии Пруссии XIX в., воспринимался как носитель высокой культуры. Цель его преемника Прусского княжества (позже королевства), таким образом, заключалась в продолжении «миссии» — через внедрение высокой культуры (в том числе и немецкого языка) превратить принадлежавшие ему территории в «цивилизированные». Эти установки в той или иной мере воспроизводились в немецкой историографии вплоть до середины XX в., несмотря на то что сам уровень этой историографии, в плане критического отношения к источникам, чаще всего был гораздо выше². Применение указанных положений нетрудно обнаружить даже в работах таких авторитетных немецких историков, как Курт Форстройтер или Вальтер Хубач.

Отдельно необходимо отметить различия, существовавшие в восприятии межвоенной политической ситуации в Клайпедском крае. Если в литовской историографии события 1923 г. назывались «освобождением» края, то в немецкой — оккупацией. В литовской историографии пребывание края в составе Литвы позиционировалось как соответствие интересам большинства населения края, а в немецкой, наоборот, утверждалось, что большинство населения скептически относилось к своей принадлежности Литве. Наконец, если в литовской историографии политика Литвы в Клайпедском крае в 1923—1939 гг. считалась (за исключением идеологического подтекста в историографии советского периода) обоснованной и «правильной», а вина за неудачную интеграцию края однозначно приписывалась «немецкому реваншизму», то в немецкой историографии политика

² Один из наиболее известных специалистов немецкой историографии Георг Г. Иггерс заметил, что немецкие историки XIX в. преимущественно ходили в архивы не для того, чтобы отыскать аргументы «за» и «против», а лишь затем, чтобы найти свидетельства, подтверждающие их заранее определенные концепции [8, р. 20].

Литвы воспринималась как ущемление прав немецкоязычного населения и стремление к искусственной литуанизации края.

Следует также заметить, что в послевоенный период установки такого рода в Германии поддерживались преимущественно обществами изгнанных и краеведами, которые находились в их окружении. В профессиональной историографии интерес к тематике Прусской Литвы, как и Восточной Пруссии в целом, за исключением нескольких авторов, связанных с объединением историков в Гёттингене (нем. *Göttinger Arbeitskreis*, основан в 1946 г.³) и Гердер-Институтом в Марбурге (основан в 1950 г.), почти не проявлялся.

Вопрос об идентичности жителей Прусской Литвы в такой ситуации, когда существовали две противоположные трактовки, даже не поднимался. Одна сторона воспринимала историю края через ее принадлежность немецкой культуре, вторая — через принадлежность литовской. Никаких интерпретаций другого рода не существовало.

II

Перемены, которые начали происходить прежде всего в немецкой историографии 1980-х гг., были связаны с отказом от националистических предпосылок, до того влиявших почти на каждую интерпретацию истории региона. Воздействие этих перемен было столь велико, что они повлияли на деятельность даже таких организаций, как Фонд культуры немецких изгнанных, который в 1980-е гг. на повестку своих ежегодных конференций выдвинул тему языковых, культурных и этнических особенностей, характерных для восточных терри-

³ В 2002 г. Институт немецких и восточноевропейских исследований, находившийся в структуре объединения историков в Гёттингене, был соединен с институтом Nordostdeutsches Kulturwerk в Институт немецкой культуры и истории северо-восточной Европы (так называемый Nordost-Institut), который с 2004 г. действует при Гамбургском университете.

торий Германской империи до 1914 г. В Германии признание того, что наследие Восточной Пруссии является наследием не только немецким, сопутствовало возобновлению научного интереса к тем регионам Восточной Пруссии, которым было присуще культурное многообразие. Отличным примером попытки внедрить новые предпосылки можно считать опубликованную в 1989 г. статью языковеда Иохена Дитера Ранге [18], который попытался охарактеризовать с точки зрения наук о культуре конструктивные стороны сосуществования разных культурных групп в регионе Прусской Литвы.

Одним из первых немецких историков, попытавшихся пересмотреть восприятие немецко-литовских отношений, связанных с Клайпедским краем, стал профессор Ерлангенского-Нюрнбергского университета Карл-Хайнц Руффманн (1922—1996). В 1989 г. институт *Nordostdeutsches Kulturwerk* в Люнебурге выпустил его книжку «Немцы и литовцы в межвоенный период: воспоминания мемельлендера, размышления историка» [19], тон которой вовсе не напоминал предыдущей историографии именно потому, что К. Х. Руффманн занял нейтральную позицию, не пытаясь оправдывать не одну из двух сторон.

Поискам такого восприятия и взаимопонимания также были посвящены общие конференции немецких и литовских историков, которые по инициативе литовской стороны начали проводиться с 1990 г. Первая такого рода конференция, «Пруссия в истории Литвы и Германии», прошла 12—19 ноября 1990 г. в Вильнюсе, вторая, «Граница как место сближения», — 4—6 октября 1991 г. в Бонне, третья — в марте 1992 г. в Любеке, четвертая — в конце июля 1992 г. в Клайпеде. Следует заметить, что если первоначально участники этих конференций пытались главным образом отстаивать позиции национальной историографии, что, разумеется, порождало «горячие» дискуссии, позднее историкам обеих сторон все же удалось приблизиться к взаимопониманию или, по крайней мере, признать, что именно взаимопонимание является перспективным стремлением.

Комментируя суть таких конференций, один из их участников, Артур Германн, писал: «Многое будет зависеть от того, как мы будем решать и воспринимать прошлые отношения наций и государств сегодня. Будем ли мы задерживаться на конфликтах и далее продолжать противостояние, или, наоборот, попытаемся исследовать более светлые периоды наших отношений и определить возможности мирного будущего. Не менее важно избегать замкнутого национального горизонта. У Европы нет будущего, если каждый из нас станет выдвигать лишь свои национальные интересы, а интересы других — игнорировать. Мы обязаны научиться уважительному общению с соседом» [4, р. 6].

Своеобразным воплощением таких идей стало учреждение в 1992 г. научного Центра истории Западной Литвы и Пруссии при Клайпедском университете. Основанный по инициативе литовских историков Витаутаса Жалиса и Альвидаса Никжентайтиса, данный Центр активно занялся проблемами, связанными с историей немецко-литовских отношений начиная со Средневековья. Ведущие исследовательские направления Центра определялись научным советом, состоявшим из немецких, польских, литовских и латышских историков, а его деятельность уже в первые годы получила широкую поддержку как со стороны различных учреждений Германии, так и в Литве. Первые международные конференции, организованные Центром в 1992—1993 гг., были посвящены проблемным историческим вопросам, например истории так называемого «восстания» 1923 г. в Клайпедском крае. На основе доклада Витаутаса Жалиса, прочитанного на одной из таких конференций, по инициативе ранее уже упомянутого К. Х. Руффманна в 1993 г. в Люнебурге вышла одна из первых книг, посвященных вопросу идентичности жителей Клайпедского края, — «Борьба за идентичность: почему Литва не имела успеха в Клайпедке в 1923—1939 гг.» [30]. Автор этой книги, изданной параллельно на литовском и немецком языках, затронул важный вопрос политической самоидентификации жителей края в период нахождения в составе Литвы.

В. Жалис показал, как под влиянием своеобразных исторических обстоятельств у многих жителей Клайпедского края образовалась особая идентичность, ставшая результатом соединения их литовского этнического происхождения и многовековой традиции принадлежности Прусскому/немецкому государству, которое большинство жителей края считали «своим». «Борьбой за идентичность» автор книги назвал определенное соревнование, происходившее в 1923—1939 гг. между Литвой и Германией и имевшее целью «присвоить» носителей этой особенной идентичности, сделать их либо «настоящими» литовцами, либо «настоящими» немцами. Ответ В. Жалиса на вопрос, поставленный в заглавии книги, таков: Литва потерпела неудачу потому, что не поняла и почти не пыталась понять особенности как самого Клайпедского края, так и его жителей. Вместо того чтобы превратить местных литовцев в свою политическую опору, Литва своей интеграционной политикой оттолкнула их, «передавая» прямо в руки Германии.

Желание показать, в какую ситуацию попали жители Клайпедского края, очутившись между интересами Литвы и Германии, как эти интересы повлияли на их самосознание и насколько соответствовала политика двух стран интересам жителей края, в 90-е гг. было присуще и другим авторам. Среди них прежде всего следует выделить Манфреда Кляйна, Герхарда Бауэра и Йоахима Таубера, каждый из которых предложил индивидуальный подход к теме идентичности литовскоязычных жителей Прусской Литвы.

Профессор Билефельдской высшей специализированной школы Манфред Кляйн в своих работах [11—13] предлагал рассматривать процессы, происходившие в Прусской Литве, с точки зрения культурной антропологии. Он утверждал, что надо отвлекаться от топоса «исчезающей Литвы», преобладавшего в немецкой литературе конца XIX столетия, равно как и от топоса, связанного с легитимацией «исторических прав», на который ориентирована литовская и немецкая историческая литература XX в. [11, р. 57—58]. Немецкая и литовская куль-

туры для М. Кляйна — равноправные исторические культуры мультиэтнического приграничья, которые одинаково требуют заинтересованности исследователя. Ученый предложил больше внимания обращать на явления, связанные с повседневной коммуникацией, интенсивными и долговременными контактами и позитивным культурным обменом. Именно в этой области интересов он предполагал найти ответы на вопрос, как и почему носителям литовской культуры удалось или не удалось сохранить свою идентичность, ощущение отдельности «нас» от «них», в условиях соседства с иной культурой. Причем вместо пресловутого термина «германизация», укоренившегося в литовской историографии, М. Кляйн настойчиво рассматривал происходившие в Прусской Литве процессы, употребляя антропологические термины. По мнению М. Кляйна, в Прусской Литве совершался процесс многовековой аккультурации, а частично и ассимиляции, литовскоязычного населения [11, р. 58; 13, S. 358; 9, S. 157]. Как и В. Жалис, он утверждал, что литуанизация края, которая в межвоенное время являлась одной из основ политики Литвы, не соответствовала представлению литовскоязычного населения края о себе и сопутствовала его отмежеванию от Литвы [13].

В своих исследованиях, начатых еще в 1980-х гг., М. Кляйн наибольшее внимание уделял причинам, влиявшим на выбор литовскоязычного населения, какой язык употреблять в той или иной коммуникационной ситуации. Также его интересовало своеобразное явление, возникшее в Прусской Литве на уровне повседневной коммуникации между носителями литовской и немецкой культур, — иноязычные заимствования, которые создавались как в литовском, так и в немецком языке [9; 10; 14]. Одна из основных мыслей М. Кляйна — тезис о естественности билингвизма литовцев Прусской Литвы: почти каждый литовец на стыке XIX и XX столетий мог употреблять как литовский, так и немецкий язык, однако это вовсе не означало, что он перестает считать себя литовцем.

Подход М. Кляйна был частично близок и его коллеге по Билефельдской высшей специализированной школе социологу Герхарду Бауэру. Его также интересовал вопрос, какая идентичность литовскоязычного населения складывалась на уровне повседневной литовско-немецкой коммуникации. Однако для решения этого вопроса Г. Бауэр пользовался преимущественно этнографическими источниками. Например, в статье, опубликованной в 1995 г. [2], он попробовал ответить на вопрос об идентичности литовскоязычных жителей Клайпедского края, используя для этого зафиксированные литовским краеведом Венантасом Мачиекусом в 1983—1990 гг. интервью, взятые у старожилов Клайпедского края. В них отражается контекст повседневной коммуникации, воспоминания жителей о том, в каких ситуациях употреблялся литовский, а в каких — немецкий язык. Специфика Клайпедского края заключалась в том, что «литовский бурас, как он сам себя называл на переломе столетий и еще десятилетия после того, мог быть лояльным слугой кайзера и одновременно, несмотря на немецкую школу и военную службу, дома говорить по-литовски, петь свои печальные меланхоличные песни и посещать литовское богослужение» [2, S. 55]. Идентичность литовскоязычного населения, которой кроме того, по мнению Г. Бауэра, была характерна привязанность к протестантской религии и «пруссским благонравиям» (порядку, дисциплине, бережливости) [2, S. 73], автор, собственно, и называл идентичностью буров (понятие *бурас* происходит от немецкого *Bauer* — крестьянин). Таким образом, Г. Бауэр пытался показать важность (а возможно, и преобладание) социальной, а не национальной принадлежности в обозначении себя, характерном для литовскоязычного населения Прусской Литвы на переломе XIX и XX столетий. Это замечание, по сути, связывается с гипотезой, сделанной историком Йоахимом Таубером, который отметил, что опаздывающая модернизация могла быть одной из важнейших причин, по которой идеи литовского национализма не укоренились в Прусской Литве.

Й. Таубер в конце 1990-х гг. работал как в Люнебургском институте *Nordostdeutsches Kulturwerk*, так и в Клайпедском университете. В 1998 г. он опубликовал близкое работам М. Кляйна и Г. Бауэра, но тем не менее оригинальное исследование на тему идентичности жителей Клайпедского края «Незнакомый третий: малолитовцы о Клайпедском крае 1923—1939 гг.» [28]. В сущности поддерживая идею В. Жалиса, Й. Таубер предложил обратить больше внимания на появление третьей категории жителей Клайпедского края (кроме немцев и литовцев) — мемельлендеров, которые были зафиксированы как отдельная национальная категория при переписи населения края в январе 1925 г. Как и В. Жалис, Й. Таубер в своей статье отождествил мемельлендеров с местным литовскоязычным населением края [28, S. 86], делая тем самым попытку утвердить тезис, что данная категория выражения идентичности появилась вследствие нежелания местных литовцев отождествлять себя с литовцами Литвы или немцами. Воссоздавая особенность их идентичности, Й. Таубер также воспользовался материалами интервью, на этот раз взятыми у бывших жителей края в 1980-е гг. при помощи методики *oral history* журналисткой и писательницей Уллой Лахауер (в 1995 г. эти материалы попали в архив упомянутого института в Люнебурге). Однако Й. Таубер использовал этот материал иначе, чем М. Кляйн и Г. Бауэр: для изображения не только особенностей употребления языка, но и религиозной специфики, влияния традиций и экономической ситуации на идентичность местного литовскоязычного населения. Обсуждая их этническую идентичность, Й. Таубер, в отличие от М. Кляйна, признавал, что литовскоязычное население с середины XIX в. все сильнее подвергалось принужденной ассимиляции [28, S. 102]. Однако она не вызвала, по мнению Й. Таубера, этнической мобилизации — деятельность отдельных активистов до Первой мировой войны не превращалась в массовое движение.

Делая это, по сути справедливое, замечание, Й. Таубер попытался сформулировать несколько гипотез, объясняющих та-

кой феномен. По его мнению, факторами, воздействовавшими на специфику идентичности литовскоязычного населения Прусской Литвы в конце XIX — первой половине XX в., в том числе на их отказ активно участвовать в общем национальном движении, следует считать: а) опаздывающую модернизацию, обеспечивавшую консервативность малолитовцев; б) приверженность к прусской монархии и ее символам; в) глубокую религиозность литовскоязычного населения и тот факт, что общая религия связывала их с немцами, а не с католиками литовцами, проживавшими по ту сторону границы; г) неприемлемость социальных, экономических и политических альтернатив, которые предлагались литовским национальным движением, а позже и политикой Литвы; д) билингвизм литовскоязычного населения [28, S. 102—103].

Этой проблематике также был посвящен опубликованный в 2000 г. сборник статей «Самосознание и модернизация», в котором анализировались деятельность культурных товариществ и модернизация как факторы социального развития и распространения национальной идеи на территории Прусской Литвы. В своей вводной статье [29] составитель сборника историк Роберт Траба рассматривал модернизацию как совокупность кризисов (следуя трактовке немецкого историка Ганса Ульриха Велера), характерных обществу XIX в., а деятельность культурных товариществ — как способ распространения в обществе новых идей, частично порождающих этот кризис. По словам Р. Трабы, петиционное движение, спровоцированное ассимиляционной политикой Германской империи, покушавшейся на традиционное употребление литовского языка, и культурные товарищества, которые литовцы Восточной Пруссии стали создавать в 1880-х гг., не сумели изменить традиционных консервативных систем ценностей в крестьянском обществе, преданном обычаям, что, в свою очередь, не позволило создать внутри этнической группы современную социальную структуру [29, S. 16].

Гипотезы Й. Таубера и подход Р. Трабы интересны тем, что здесь внимание обращается не только на содержание самой

идентичности, но и на выявление основных факторов, которые оказывают воздействие на ее создание. Этот подход, который был более характерен для историков и который можно назвать конструктивистским, замечен и в трудах других авторов. Среди них прежде всего следует упомянуть Артура Германа, уже начиная с конца 1980-х гг. опубликовавшего на немецком и литовском языках несколько статей, посвященных религиозному аспекту идентичности жителей Прусской Литвы [6; 7]⁴. Особенно много внимания автор уделял политической и культурной роли Прусской евангелической церкви, определявшей не только церковность и религиозность большинства литовскоязычного населения, но и его определенные политические ориентации. Кроме того, А. Германн был одним из первых исследователей, попытавшихся объяснить влияние на идентичность литовскоязычного населения края культурно-религиозной практики суринкимиников (лит. *surinkimininkai*), образовавшейся под воздействием идей пиетизма. Учитывая факт, что в начале XX в. к суринкиминикам относилось около 40% проживавших в Восточной Пруссии литовцев, эта практика действительно заслуживает большего внимания исследователей.

Еще одним автором, исследовавшим основные факторы влияния на формирование идентичности прусских литовцев, является Нийоле Стракаускайте. Историк Клайпедского университета в своих статьях, посвященных этой тематике, больше всего внимания уделяла двум такого рода факторам — просвещению и развитию коммуникаций в XIX — начале XX в. Вопрос о влиянии прусской системы просвещения заслужил внимания исследовательницы [23; 25—27] прежде всего в связи с попыткой понять еще одну специфику литовцев, живших в Восточной Пруссии. Почти каждый из них в XIX в. умел читать и писать, однако доля литовскоязычного населения Восточной Пруссии, получившего больше чем начальное образование,

⁴ Наиболее важные статьи А. Германа были собраны и в 2000 г. выпущены в виде книги [5] на литовском языке.

была незначительной. Эта проблема, по сути, предопределила нехватку интеллигенции, «элиты» литовскоязычного общества. С другой стороны, исследовательницу интересовал и альтернативный вопрос, в каком направлении потенциально могла формироваться идентичность тех литовцев, которые на пути своего образования все-таки достигли уровня гимназии. Именно тут автор обратилась к вопросу о содержании прусской системы просвещения, что позволило ей объяснить, хотя бы частично, амбивалентность идентичности и политических ориентаций прусско-литовской элиты. Вторым фактором влияния, которому было посвящено внимание в трудах Н. Стракаускайте, стал фактор развития коммуникаций. Как заметила исследовательница, именно этот фактор в XIX в. особенно сильно воздействовал на изменение традиционных форм жизни, расширение мировоззрения крестьянского общества, его «выход из приходских рамок» [24]. Среди важнейших перемен можно назвать издание газет на литовском языке, транспортную революцию, популяризацию почтовых услуг (почтовый пункт был создан почти в каждой большой деревне), появление железной дороги, телеграфа. Открытие новых пространств коммуникации для крестьянского населения в конце XIX столетия, судя по всему, весьма контрастировало с их традиционной консервативностью, однако вопрос о том, насколько это повлияло на видоизменение этой консервативности, в историографии пока не исследован.

Здесь следует перейти к еще одному историографическому подходу и обратиться к трудам историка Клайпедского университета Сильвы Поците. Она, несомненно, внесла существенный вклад в исследование культурной деятельности и идентичности литовскоязычного населения Прусской Литвы, поскольку защитила в 2000 г. докторскую диссертацию по этой тематике. На ее основе вышла монография [16], обобщающая результаты исследований ученого. Главной новизной этого труда и, собственно говоря, самого подхода можно считать тот факт, что для анализа темы (культурная деятельность литовцев Пруссии в

конец XIX — начале XX столетия) были в изобилии привлечены основные периодические издания, которые выпускались на литовском языке на стыке XIX и XX вв. Преимущественно в них автор искала ответ на вопрос о совместимости консервативного менталитета «буров» с деятельностью основных культурных организаций, многие из которых бросали вызов традиционному обществу по меньшей мере потому, что были светскими.

Формулируя свое воззрение на идентичность прусских литовцев, С. Поците, в принципе, повторяет мнения ранее упомянутых авторов. Обсуждая вопросы ментальности и идентичности «буров», она признает влияние монархизма на культурную деятельность литовцев, их преданность прусскому патриотизму и набожность. Тем не менее на примере деятельности культурных товариществ и их восприятия обществом она весьма очевидно показала, что до Первой мировой войны наибольшей популярностью в Прусской Литве пользовались те товарищества, которые не имели практически ничего общего с литовским национальным движением. Те же культурные сообщества, которые активно демонстрировали свою нацеленность на культурное сближение с литовцами-католиками, проживавшими по ту сторону границы, воспринимались чрезвычайно критически и общим признанием не пользовались. Этот вывод, аргументация которого, на наш взгляд, является одним из главных достижений монографии, важен потому, что он совершенно противоречит прежним интерпретациям литовской историографии.

Можно сказать, что именно развертывание этого вопроса — вопроса о взаимоотношениях, возможности и невозможности интеграции литовцев, живших по обе стороны германско-русской границы, — является основным вкладом исследований С. Поците в тематику идентичности литовскоязычного населения Восточной Пруссии. Кроме упомянутой книги, вопросу возможностей и условий культурной и политической интеграции литовцев, живших по обе стороны границы, в кон-

тексте как довоенном (до 1914 г.), так и в послевоенном, она посвятила еще две статьи [17; 15].

Еще один подход к исследованиям тематики идентичности литовскоязычного населения Восточной Пруссии представлен в наших работах. Этот подход можно назвать конструкционистским, поскольку внимание исследователя привлекает не только вопрос, какова (и почему) была идентичность прусских литовцев, но преимущественно вопрос, с какими значениями, циркулировавшими в среде общественной коммуникации, они могли или даже были обязаны отождествляться в разнообразных коммуникационных ситуациях. Таким образом, объектом исследований становится не столько сама идентичность, сколько системы значений, на основе которых она формировалась. В своих работах мы исследовали содержимое пролитовской и пронемецкой систем значений, а также политизацию общественного дискурса в межвоенной Клайпедке [21; 22]. Отдельная статья, подготовленная в соавторстве с Саулюсом Бартнинкасом, посвящена проблеме деидеологизации (или историзации) историографического восприятия пронацистского движения в межвоенном Клайпедском крае, а также анализу особенностей этого движения, связанных именно со спецификой идентичности населения [1].

Конструкционистский подход, развитый в наших работах, позволил заново вернуться к вопросу интерпретации категории «мемельлендеров», появившейся в Клайпедском крае, как уже упоминалось, в 1920-х гг. Исследование [21] показало, что восприятие ее как категории, отражающей стабильную идентичность прусских литовцев, некую альтернативу «немцам» и «литовцам», ведет к заблуждению. В межвоенный период поддержание значений, связанных с этой категорией, в общественном дискурсе однозначно было направлено на удержание и утверждение разнообразных культурных связей между немецким и местным литовским населением края с целью не допустить попадания последнего в сферу влияния идей литовского национализма. Таким образом, категория «мемельлендер» была

создана в конкретных политических целях — для сплочения всего местного населения края, значимого в контексте стремлений Литвы интегрировать в 1923 г. присоединенную территорию. Развертывание дискурса, объяснявшего и поддерживавшего эту категорию, усиливалось ситуативно, например перед выборами в местные органы власти автономного Клайпедского края. Поэтому и отождествление с категорией «мемельлендеров» жителей края также было ситуативным. Именно этим объясняется появление «национальности» мемельлендеров при переписи населения 1925 г. Однако это вовсе не означает, что пропорция жителей края, называвших себя мемельлендерами в 1925 г. (24%), соответствовала той части населения, которое отождествляло себя со значениями, связанными с этой категорией. Результаты выборов в органы автономной власти лучше всего показывают, что эти значения воспринимались как характеризующие «нас» абсолютным большинством населения края. Таким образом, жители края, отождествляя себя с конкретной системой значений, которая по своей сути была прусско-немецкой (это лучше всего видно по переменам 1938 г., когда прежнее место категории *Memelländer* заняла категория *Memeldeutsche*), вовсе не обязательно должны были считать себя «мемельлендерами».

* * *

Идентичность литовскоязычного населения Восточной Пруссии, как показывает обзор, представленный в данной статье, в последние два десятилетия является активно исследуемой темой. Главной целью исследований 1990-х гг. можно считать попытку обосновать и утвердить тезис об особенностях их идентичности, отступая тем самым от прежних историографических интерпретаций, в которых, в зависимости от того, кем являлся историк (литовцем или немцем), литовскоязычное население края соответственно причислялось к «германизированным литовцам» или «почти немцам». Важно и то, что в исследовани-

ях об особенностях идентичности литовцев Восточной Пруссии были выделены основные факторы, воздействовавшие на создание этой особенности. Можно сказать, что немецкие и литовские историки, по крайней мере на уровне профессиональной историографии, сошлись во мнении, что многовековая принадлежность литовцев Восточной Пруссии Прусскому/немецкому государству, со всеми из этого вытекающими последствиями, оказала гораздо больше влияния на их самоопределение, чем их этническое происхождение и употребление литовского языка.

Несколько обобщений в заключение следует сделать и о методологической стороне исследований идентичности. Многим историческим исследованиям идентичности 1990-х характерен эссенциалистский подход, когда идентичность интерпретируется как «натуральная», единственная, гомогенная, а иногда даже как характерная всем членам конкретного общества. Исторические исследования идентичности, основанные на анализе воспоминаний, зафиксированных способом интервью, или же на анализе дискурса, когда он воспринимается как выражение такой идентичности, с точки зрения методологической всегда вызывают опасение, что интерпретация исследователя не будет соответствовать всей сложности, характерной для исторической реальности. В современной литературе идентичность рассматривается как феномен многослойный, при этом учитывается, что актуализация каждого слоя зависит от конкретной коммуникационной среды, в которой участвует человек. Когда исследователь признает многослойность и гетерогенность идентичности, тем самым он признает, что адекватное историческое исследование идентичности может ограничиваться лишь исследованием конкретной коммуникационной ситуации, в которой возникает необходимость продемонстрировать свою причастность или отмежевание, поскольку человеческая идентичность, как заметил Майер Фортез, распознается лишь в конкретных действиях — в послании определенного сообщения, участия в ритуале или церемонии и т. д. [3, р. 394]. Именно

поэтому акцент в исследованиях идентичности переносится на системы значений и участие людей в их символическом или ритуальном воспроизведении. Именно поэтому увеличивается важность использования конструкционистского подхода, посредством которого происходит обращение к символическому конструированию и воспроизведению социальной реальности.

Список литературы

1. *Bartninkas S., Safronovas V.* Klaipėdos krašto gyventojų pronacistinių orientacijų XX a. 4-ajame dešimtmetyje vertinimo problema // Nauji požūriai į Klaipėdos miesto ir krašto praeitį (Acta Historica Universitatis Klaipedensis, t. XVII) / sud. S. Pocytė, V. Safronovas. Klaipėda, 2008. P. 101—120.
2. *Bauer G.* Deutsch-litauische Sprachbeziehungen und nationale Identität im Memelland. Erkenntnisse aus neueren ethnographischen Quellen // Lietuvių Kultūros Institutas. Suvažiavimo darbai 1994 / Litauisches Kulturinstitut. Jahrestagung 1994. Lampertheim, 1995. S. 55—78.
3. *Fortes M.* Problems of Identity and Person // Identity: Personal and Socio-Cultural: a Symposium / ed. by A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1983. P. 389—401.
4. *Hermann A.* Antroji lietuvių-vokiečių istorikų konferencija Lübeck'e // Akiračiai. 1992. №7 (241). P. 6—7.
5. *Hermann A.* Lietuvių ir vokiečių kaimynystė. Vilnius, 2000.
6. *Hermann A.* Das Nationalbewußtsein der litauischen Lutheraner in Preußisch-Litauen und in Litauen // Lutherische Kirche in der Welt. 1988. F. 35. S. 117—136.
7. *Hermann A.* Preußisch-Litauer und die Evangelische Kirche Ostpreußens 1871—1933 // Selbstbewusstsein und Modernisierung. Soziokultureller Wandel in Preußisch-Litauen vor und nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von R. Traba. Osnabrück, 2000. S. 83—109.
8. *Iggers G. G.* Nationalism and historiography, 1789—1996. The German example in historical perspective // Writing national histories: Western Europe since 1800 / ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.; N. Y., 1999. P. 15—29.

9. *Klein M.* Ein interkulturelles Produkt: der "Putzmalūnas". Etnische Identität und Sprache in Preußisch-Litauen // Selbstbewusstsein und Modernisierung. Soziokultureller Wandel in Preußisch-Litauen vor und nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von R. Traba. Osnabrück, 2000. S. 151—171.

10. *Klein M.* "Laß uns mal deutsch kalbeken, Mergellchen!" Wirkungen des Sprachkontaktes in Preußisch-Litauen // Nationale Minderheiten und staatliche Minderheitenpolitik in Deutschland im 19. Jahrhundert / hrsg. von H. H. Hahn, P. Kunze. Berlin, 1999. S. 195—203.

11. *Klein M.* Mažoji Lietuva. Nauji kultūrinės antropologijos tyrimo uždaviniai // Kultūros barai. 1991. № 8 (320). P. 56—59.

12. *Klein M.* Preußisch-Litauen. Neue Aufgaben für die kulturanthropologische Forschung // Die Grenze als Ort der Annäherung: 750 Jahre deutsch-litauische Beziehungen / hrsg. von A. Hermann. Köln, 1992. S. 13—25.

13. *Klein M.* Die versäumte Chance zweier Kulturen. Zum deutsch-litauischen Gegensatz im Memelgebiet // Zwischen Staatsnation und Minderheit. Litauen, das Memelland und das Wilnagebiet in der Zwischenkriegszeit (Nordost-Archiv, Bd. II/1993, 2. h.) / hrsg. von J. Tauber. Lüneburg, 1993. S. 317—352.

14. *Klein M.* Vom "kvieslys" zum "Platzmeister". Vom Leben mit zwei Sprachen in Preußisch-Litauen // Lietuvių Kultūros Institutas. Suvažiavimo darbai 1994 / Litauisches Kulturinstitut. Jahrestagung 1994. Lampertheim, 1995. S. 79—98.

15. *Pocytė S.* Klaipėdiškių / lietuvininkų ir didlietuvių sugyvenimas Klaipėdos krašte: lietuviškųjų organizacijų komiteto veiklos 1934—1939 m. pavyzdys // Lietuvos istorijos metraštis. 2003. 2. Vilnius, 2005. P. 77—90.

16. *Pocytė S.* Mažlietuviai Vokietijos imperijoje 1871—1914. Vilnius, 2002.

17. *Pocytė S.* Mažosios ir Didžiosios Lietuvos integracijos XIX a. antroje pusėje klausimu — kultūrinis ir politinis aspektas // Raidžių draudimo metai / sud. D. Staliūnas. Vilnius, 2004. P. 235—249.

18. *Range J.D.* Preußisch-Litauen in kulturhistorischer Sicht // Deutsche, Slawen und Balten: Aspekte des Zusammenlebens im Osten des Deutschen Reiches und in Ostmitteleuropa / hrsg. von H. Hecker, S. Spieler. Bonn, 1989. S. 55—81.

19. *Ruffmann K.-H.* Deutsche und Litauer in der Zwischenkriegszeit. Erinnerungen eines Memelländers, Überlegungen eines Historikers. Lüneburg, 1989.

20. *Safronovas V.* "Lietuviškosios" praeities aktualizavimas kaip tapatumo orientacijos raiška pokario Klaipėdoje // Lietuvos istorijos metraštis 2007 (2). Vilnius, 2008. P. 59—84.

21. *Safronovas V.* "Memelenderių" daryba, arba ideologinis 1939 m. Klaipėdos krašto aneksijos parengimas // Klaipėdos krašto aneksija 1939 m.: politiniai, ideologiniai, socialiniai ir kariniai aspektai (Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 21 / sud. S. Pocytė. Klaipėda, 2010. P. 32—68.

22. *Safronovas V.* Praeities panauda palaikant lietuvišką tapatumo orientaciją tarpukario Klaipėdoje // Nauji požūriai į Klaipėdos miesto ir krašto praeitį. Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 17 / sud. S. Pocytė, V. Safronovas. Klaipėda, 2008. P. 79—99.

23. *Strakauskaitė N.* Der Einfluss politischer Faktoren auf das kleinlitauische Schulwesen 1871—1933 // Selbstbewusstsein und Modernisierung. Soziokultureller Wandel in Preußisch-Litauen vor und nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von R. Traba. Osnabrück, 2000. S. 69—82.

24. *Strakauskaitė N.* Komunikacijos įtaka lietuvininkams (XVI—XX a.) // Lietuviai ir lietuvininkai. Etninė kultūra. T. 2 / sud. ir red. S. Vaitiekūnas, R. Balsys. Klaipėda, 2003. P. 192—204.

25. *Strakauskaitė N.* Lietuvininkų etninė mažuma XIX a. pab. — XX a. pirmoje pusėje: sociopolitinis diskursas // Tiltai, Priedas № 13: Transformacijos Rytų ir Centrinėje Europoje I—II. T. 1. Klaipėda, 2003. P. 423—427.

26. *Strakauskaitė N.* Mažosios Lietuvos elito identiteto problema: kultūrinis diskursas // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 2001. № 1—2 (6), P. 66—76.

27. *Strakauskaitė N.* Rytų Prūsijos intelektualinė terpė XIX amžiuje // Kultūriniai saitai abipus Nemuno: Mažosios Lietuvos reikšmė Didžiajai Lietuvai spaudos draudimo metais (1864—1904) (Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 10 / sud. S. Pocytė, R. Sliužinskas. Klaipėda, 2004. P. 29—35.

28. *Tauber J.* Der unbekante Dritte: die Kleinlitauer im Memelgebiet 1918—1939 // "Der Fremde im Dorf". Überlegungen zum Eigenen und zum Fremden in der Geschichte / hrsg. von H.-J. Bömelburg, B. Eschment. Lüneburg, 1998. S. 85—104.

29. *Traba R.* Einführung in die Problematik: Vereinsleben und Modernisierung als identitätsstiftende Faktoren in den ethnisch gemischten Gebieten von Preußisch-Litauen // Selbstbewusstsein und Modernisierung. Soziokultureller Wandel in Preußisch-Litauen vor und nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von R. Traba. Osnabrück, 2000. S. 7—23.

30. *Žalys V.* Kova dėl identiteto: Kodėl Lietuvai nesisekė Klaipėdoje tarp 1923—1939 m. / Ringen um Identität: Warum Litauen zwischen 1923 und 1939 im Memelgebiet keinen Erfolg hatte. Lüneburg, 1993.

Об авторе

Василиюс Сафроновас — д-р истории, науч. сотр. Института истории и археологии Балтийского региона при Клайпедском университете, науч. сотр. Института истории Литвы (Вильнюс).